

Пить Ци Фан умел — и немало. Но десять бокалов крепкого алкоголя подряд, выпитых практически залпом, способны свалить с ног любого. В желудке сохло и жгло, сердце бешено колотилось в груди, словно набатный колокол, и хотя взгляд оставался сравнительно чётким, идти по прямой удавалось лишь цепляясь за стену.

Хмель ударил в голову мгновенно. Лавируя сквозь шумную толпу, Ци Фан направился к уборной в самом конце коридора. Едва заскочив внутрь, он почувствовал, как к горлу подступила тошнота. Руки и ноги дрожали; его выворачивало до тех пор, пока в желудке не осталось ничего, кроме жгучей желчи. Лишь после этого туман в голове начал немного рассеиваться.

Смыв за собой, он оправил слегка измятую чёрную рубашку и подошёл к раковине. Мягкий, тёплый свет бра обволакивал его фигуру. Ци Фан взгляделся в собственное отражение, а затем плеснул в лицо холодной водой. Капли стекали по шее, забиваясь под воротник и оставляя на коже блестящие дорожки. Достав из кармана банковскую карту, которую ему сунул Ци Цзэчэн, он искажился в ядовитой усмешке.

Жжение в пищеводе не утихало. Ци Фан вернулся к кабинке, снял крышку со сливного бачка и безо всяких колебаний швырнул карту внутрь. Пластик с тихим всплеском опустился на самое дно. Окинув его безразличным взглядом, Ци Фан водворил тяжёлую крышку на место.

Покончив с этим, он двинулся к выходу. Однако не успел он даже взяться за дверную ручку, как дверь с грохотом распахнулась. На пороге стояли трое. Лица казались знакомыми — он только что видел их в VIP-ложе.

Самого Ци Цзэчэна среди них не было, но одного взгляда хватило, чтобы понять: эти типы явились по его указке. Никто другой не стал бы выкидывать подобные штуки.

Один из вошедших обогнул Ци Фана и последовательно проверил все кабинки. Убедившись, что в уборной никого нет, он вытащил табличку «Технический перерыв» и швырнул её приятелю у входа.

Тот кивнул, вышел в коридор и прикрыл за собой дверь, оставив Ци Фана один на один с двумя оставшимися амбалами.

Ци Фан молча прижимал ладонь к ноющему желудку. Он ледяным взором смерил стоящих перед ним мужчин и, когда один из них резко выбросил вперёд локоть, целясь ему в голову, даже не попытался уклониться.

Тяжёлый удар пришёлся прямо в висок. Лишённый равновесия из-за алкоголя, Ци Фан мешком рухнул на кафельный пол. Избиение началось без лишних слов — словно по молчаливому сговору. Встать ему уже не дали. Ци Фан попытался свернуться калачиком, закрывая голову, но удары сыпались со всех сторон, принося глухую, разрывающую тело боль.

Экзекуция продолжалась минут пять. Наконец Ци Фан замер, почти перестав дышать; лишь едва заметное вздымание груди говорило о том, что он ещё жив. Одно дело — преподать урок, и совсем другое — повесить на себя труп. Посчитав задачу выполненной, нападавшие остановились и вытащили телефоны, чтобы сфотографировать распростёртого на полу парня.

— Мямля проклятый, — хохотнул тот, что делал снимок, и занёс ногу для очередного удара.

Стоявший рядом приятель как раз нагнулся к лежащему и едва не попал под раздачу.

— Глаза разуй! Чуть башку мне не снёс!

— Да ладно тебе, не задел же, — отмахнулся Очкарик, отправляя фото в общий чат. Обернувшись, он заметил, чем занят второй, и ядовито усмехнулся: — Ты там карту ищешь или решил пошалить? Чего ты к нему в штаны лезешь?

Толстяк, копошившийся возле Ци Фана, лишь сально осклабился:

— А личико-то у него ничего так, симпатичное.

— Брось эти свои замашки, — осадил его Очкарик.

Толстяк разочарованно фыркнул. Он как раз недоумевал, куда делась банковская карта, когда из-за двери донеслись чужие голоса.

— Он точно здесь?

— Должен быть. Говорят, вилял по коридору в эту сторону.

— Хм.

— Эй! Ослепли, что ли? Написано же: ремонт! — дежуривший у входа Лысый был навеселе, но, увидав намерение незнакомцев войти, мгновенно протрезвел и выставил руку, перегораживая путь.

Однако его жест легко и изящно смахнули в сторону.

Плотная фигура Ван Дуна неуклюже заслонила инвалидную коляску Чжоу Юэхэна. С неизменной доброжелательной ухмылкой Ван Дун толкнул дверную ручку.

— Э, ты чего?! — рывкнул Лысый, но Чжоу Юэхэн уже въехал внутрь, а Ван Дун прошмыгнул вслед за ним.

Лысый рыпнулся было за ними, но дорогу ему преградил некто в строгом костюме.

— Ты ещё кто такой? — опешил Лысый. — А ну с дороги, пока я тебе...

Мужчина среднего возраста молча щелчком смахнул пылинку с бейджа на груди. Лысый вгляделся и разобрал надпись: «Помощник управляющего». Губы его нервно задрожали — остатки хмеля выдуло окончательно. Скользнув взглядом в щель открывающейся двери, он разглядел силуэт человека в инвалидном кресле.

— Чж... Чжоу...

Помощник управляющего, перехватив его взор, с безупречной грацией потянул дверь на себя, перекрывая обзор.

В помещении царил густой, приторный аромат парфюмированного освежителя. Чжоу Юэхэн поморщился от бьющего в нос запаха и перевёл холодный взгляд на неподвижно лежащего на полу Ци Фана.

Очкарик с Толстяком переглянулись. И если второй ещё не сообразил, что происходит, то первый сразу узнал вошедшего.

Прижав к носу белоснежный платок, чтобы заглушить тошнотворную парфюмерию, Чжоу Юэхэн равнодушно поинтересовался:

— Забили насмерть?

Очкарик вздрогнул. Он не понимал, с какой стати Чжоу Юэхэну вмешиваться в эту историю, но, памятуя о тесных связях этого человека с комплексом «Хуэйцзин», поспешно придал лицу самое безобидное выражение:

— Ну что вы, господин Чжоу! Мы же понимаем... Так, слегка преподали урок.

Чжоу Юэхэн плавно направил кресло к лежащему. Оставив подножку в считанных сантиметрах от плеча Ци Фана, он нагнулся и двумя пальцами брезгливо приподнял его подбородок.

Ци Фан, доселе пребывавший в полузабытьи, с трудом разомкнул веки. Кровь, запёкшаяся на щеках и в уголках губ, практически скрывала черты его лица.

Дрожащие ресницы приподнялись. До слуха и обоняния Ци Фана донёлся тонкий, благородный аромат амбры. Он едва заметно повёл носом, осознавая, что этот запах исходит от стоящего перед ним человека.

Ци Фан моргнул. Из-за яркого света над головой и опухших век всё вокруг плыло, но он изо всех сил пытался сфокусировать взгляд, словно цепляясь за единственный оплот реальности в сплошной белой пелене. И едва Чжоу Юэхэн вознамерился убрать руку, Ци Фан судорожно вцепился в его рукав.

Знакомый благоухающий шлейф мгновенно всколыхнул давние воспоминания. Туман перед глазами окончательно рассеялся. Чжоу Юэхэн лёгким движением нахмурился — это холодное, недовольное выражение лица точно повторяло образ, запечатлённый в памяти много лет назад.

Веки Ци Фана вздрогнули, и он сам разжал пальцы за мгновение до того, как стоявший рядом Ван Дун успел скинуть его руку.

Пока Очкарик пытался переварить происходящее, Чжоу Юэхэн мазнул пальцем по воздуху и бросил Ван Дуну:

— Забери его.

— Слушаюсь, — отозвался тот.

— Эй! Позвольте, мы же... — занервничал было Толстяк. Карта-то не найдена, как им перед заказчиком отчитываться?

Но не успел он договорить, как Очкарик с такой силой впился ему пальцами в бок, что Толстяк истошно взвыл и зашипел от боли.

Ван Дун подхватил Ци Фана под руки и помог подняться. Чжоу Юэхэн развернул коляску, и они направились к выходу. Лишь когда дверь за ними закрылась, Очкарик разжал пальцы.

Даже до такого увалистого тугодума, как Толстяк, дошло, что предстал перед ними человек непростой. В «Хуэйцзине» частенько отдыхали тузы, а сам Толстяк, сын какого-то мелкокалиберного нувориша, с трудом пробился в прихвостни к Ци Цзэчэну. Глядя на бледное, напряжённое лицо Очкарика, он шепнул:

— Это ещё кто такой?

— Маленький директор Чжоу.

Толстяк вытарашил глаза. Имя звучало более чем весомо. В Цзянчэне семейство Чжоу обладало огромным влиянием. Впрочем, вспомнив недавние слухи, он усомнился:

— Поговаривают же, будто у «Циюэ» проблемы с ликвидностью?

— Худой верблюд всё равно крупнее лошади, — остудил его пыл Очкарик, толкнув локтем.

Толстяк похлопал ресницами и проямлил:

— А как же... как же то, что Цзэчэн велел?

— Пойдёшь у него человека отбивать? — язвительно перебил его собеседник. — Да будь сам Цзэчэн здесь, он бы и пикнуть не посмел!

Толстяк прикусил язык и лишь ошарашенно оглядел опустевшую уборную.

На выходе Чжоу Юэхэна встретил помощник и повёл по служебному, скрытому от чужих глаз коридору. На ходу Чжоу Юэхэн обернулся и заметил, что парень, едва держимый на ногах Ван Дуном, не отрываясь смотрит на него пылающим взглядом.

Перехватив ответный взор, Ци Фан тут же поторопился опустить голову, скрыть глаза за отросшей чёлкой.

Чжоу Юэхэн протянул ему белоснежный платок, который всё ещё держал в пальцах, и ровным голосом спросил:

— Знаешь, кто я?

Ци Фан замер, глядя на платок, затем осторожно принял его, едва ощутимо коснувшись подушечками пальцев руки Чжоу Юэхэна.

От этого мимолётного прикосновения Ци Фана словно обдало жаром. Он судорожно сжал ладонь в кулак, пытаясь удержать улетающее тепло.

И мгновение спустя отрицательно качнул головой.

На самом деле он знал. И прекрасно помнил этого человека, знал его лицо, знал о нём слишком многое... Но признаться не смел. Чжоу Юэхэн слишком долго занимал все его мысли. Одно неверное движение, одна ошибка — и этот хрупкий миг рассыплется в прах. И потому Ци Фан кротко поднял взгляд, придав лицу максимально наивное выражение.

Он тяжело навалился на плечо Ван Дуна, уткнувшись подбородком в грудь и сжимая пострадавший живот. Ци Фан изо всех сил пытался побороть тошноту и ноющую боль во всём теле. Слипшиеся от пота и крови волосы висели сосульками, придавая ему сходство с побитым,

вымокшим под проливным дождём щенком.

Чжоу Юэхэн окинул его беглым взглядом:

— Не знаешь, кто я, а идёшь со мной?

Ци Фан не представлял, какого ответа от него ждут. Сжав в кулаке платок и пытаясь укротить бешеный стук сердца, он выровнял дыхание. Тело его всё ещё слегка поддрагивало. Вглядываясь в лицо Чжоу Юэхэна с тенью наивной боязливости, он тихо спросил:

— А вы... тоже будете меня бить?

Чжоу Юэхэн на мгновение опешил. Ван Дун же не выдержал и громко фыркнул — фраза показалась ему невероятно смешной, так что его плечи затряслись от хохота. Даже Чжоу Юэхэн изогнул бровь, и на его губах мелькнула едва заметная усмешка.

— Утри кровь, — произнёс он. — Я могу сделать так, что они оставят тебя в покое.

— Правда? — В глазах Ци Фана вспыхнул огонёк надежды, выражение лица накрыла волна искренней мольбы, но тут же сменилось тревогой: — Но... они знают, где я живу. Знают, где я работаю...

— Я предоставлю тебе другое жильё, — Чжоу Юэхэн задумчиво потер подушечки пальцев. — Но взамен ты окажешь мне одну услугу.

Лицо Ци Фана озарилось было радостью, но тут же застыло. Он наигранно нахохлился, сжав плечи, и с пугливой настороженностью спросил:

— Какую... услугу?

— Пойдёшь со мной, — ответил Чжоу Юэхэн.

Ци Фан онемел, в его глазах блеснуло нескрываемое изумление. Ван Дун ощутил, как тело парня, навалившегося на него, натянулось словно струна.

Волна оглушительного восторга накрыла Ци Фана с головой, и лишь титаническим усилием воли он заставил себя сохранить относительно невозмутимое выражение лица.

— Дам время подумать, — продолжал Чжоу Юэхэн. — Все подробности тебе изложит Ван Дун.

Ци Фан так долго пребывал в ступоре, что Чжоу Юэхэн уже начал терять терпение. Он

развернул кресло, намереваясь уйти, как вдруг до него донёлся робкий, неуверенный голос:

— А можно... мне взять с собой сестру? — Ци Фан поднял взгляд. — Она совсем одна дома, я за неё беспокоюсь.

Чжоу Юэхэн не нашёл в этом требовании ничего невыполнимого.

— Забирай, — бросил он. В действительности этот пункт изначально входил в его предложение.
— Если согласишься помочь, её устроят в клинику при «Циюэ» и обеспечат лучший уход.

Теперь у Ци Фана не осталось ни единого сомнения. На его лице просияла широкая, искренняя улыбка, мгновенно развеявшая прежний угрюмый вид. Движение губ отозвалось болью в разбитых ссадинах, из них снова проступила кровь, отчего парень выглядел одновременно и счастливым, и жалко побитым.

Удостоверившись, что дело улажено, Чжоу Юэхэн развернулся и направился к выходу. И в тот же миг пристальный, липкий взгляд вновь прикипел к его спине. Едва уловимое ощущение заставило Чжоу Юэхэна слегка изогнуть бровь. Он жестом подзвал помощника и велел катить коляску — только тогда удушающее внимание за спиной наконец рассеялось.

<http://bllate.org/book/20690/2106403>